

УДК [130.2:572]:316.613.434
doi: 10.18101/1994-0866-2017-2-139-147

«БОЖЕСТВЕННОЕ» НАСИЛИЕ В ПРОЦЕССЕ СОЦИАЛЬНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ

© *Слюсар Вадим Николаевич*

кандидат философских наук, доцент, Житомирский государственный университет им. И. Франко

Украина, 10008, г. Житомир, ул. Большая Бердичевская, 40

E-mail: vadniksl@rambler.ru

В статье исследуется одна из форм насилия, доминантная на определенном этапе социальных трансформаций, основанное на вере «божественное» насилие, реализовывающееся путем сакрализации насильственных действий. Отмечается, что реализация «божественного» насилия происходит на основании веры в харизматичного лидера, веры в неизменность мира, веры в чудесный мир. Особое внимание уделено составляющим «божественного» насилия: магическому и ритуальному (или ритуально-символическому) мышлению. Роль магического мышления в «божественном» насилии заключается в подборе правильной интерпретации необходимости его осуществления, сакрализации жертв насилия через объяснение их гибели действием закона высшего замысла и испытанием высших сил. Утверждение «божественного» насилия сказывается на появлении и включении в культуру определенных символов, проведении новых социальных ритуалов, которые в дальнейшем становятся составляющими и «рационального» насилия. Задача социального ритуала — осуществить коллективный акт непрямого насилия. Социальные ритуалы как составляющие социальных трансформаций проводятся в момент, когда насилие проходит стадию пароксизма и утверждается в массовом сознании идея необходимости мира и порядка. Определено, что инструментом «божественного» насилия является установление нового отсчета исторического времени.

Ключевые слова: насилие, социальное насилие, социальные трансформации, магическое мышление, ритуальное мышление.

XX век — это период в истории человечества, который по праву называют эпохой «сверхнасилия». Социальное насилие в этот период характеризуется большим количеством жертв действия его прямых форм, так и появлением новых видов — косвенных. На определенных стадиях социальных трансформаций доминирует форма насилия, чье применение объясняется благородными, даже сакральными целями.

Если взять за основу мировоззренческие элементы, которые доминируют при объяснении необходимости применения тех или иных видов насилия, можно выделить следующие его формы: «мифические» (насилие основывается на агрессии, на односложно мироощущаемой мифологеме лучшей альтернативы и упрощенном объяснении существующей ситуации); «божественные» (на вере, происходит сакрализация насильственных действий) и «рациональные» (рациональное осознание объектами необходимости и неотвратимости насилия). Каждая из этих форм имеет свое назначение в соответствии с социальными трансформационными процессами: «мифическое»

насилие направлено на отрицание конкретных социальных норм и правил, «божественное» — на интеграцию общества на основе безапелляционного восприятия вновь установленных норм и правил, а «рациональное» — на их поддержку легитимными средствами. Предложенная классификация существенно дополняет предложенную В. Беньямином [1, с. 11].

Утверждение «божественного» насилия вызвано необходимостью принять новые социальные нормы и правила, что после доминирования «мифического» получает незначительное сопротивление от индивидов. основополагающим элементом «божественного» насилия является вера.

Вера — важная составляющая социальной жизни, она также определяющий мировоззренческий ориентир для политической жизни. Независимо от того, каким целям служит политик (национальным или общечеловеческим, социальным и этическим или культурным, мирским или религиозным, или опираться на глубокую веру в «прогресс»), или он холодно отвергает этот вид веры, а претендует на служение «идеи», намерен служить внешним целям повседневной жизни, принципиально отклоняя вышеуказанное притязание, — но любая вера должна быть в наличии всегда [5, с. 692]. Вера позволяет проектировать идеальное будущее для каждого индивида.

Л. Гозман и А. Эткинд выделяют ряд форм веры, присущих тоталитарному сознанию, впрочем, в определенной степени эти формы присущи и «божественному» насилию. Рассмотрим их более подробно. Вера в простоту мира предусматривает утверждение в общественном сознании одно- или двумерной модели картины мира, в которой случайные и многозначные связи между социальными явлениями закрепляются произвольно, но их один вариант определяется как единственно правильный, в то время как все остальные — как девиации. Впрочем, из-за отказа от рационального объяснения необходимости утверждения новых норм и правил, что сопровождается исключением ученых из процессов предоставления соответствующих оценок и принятия социально значимых решений, создается иллюзия простоты, которая формирует одновременно иллюзию всемогущества — любая проблема может быть решена, достаточно лишь отдать правильные приказы [6, с. 67]. Как правило, эта иллюзия проявляется на уровне общественного сознания в качестве однозначных оценок тем или иным социальным явлениям, но эти оценки имеют тенденцию быстро меняться на противоположные. Например, в период социальных трансформаций при доминировании «божественного» насилия определенные лидеры могут наделяться чертами харизмы, их деятельность оценена как мессианская, но в довольно короткий промежуток времени она может обнаружить неудовлетворенность ожиданиям и получить негативные оценки.

Другой формой веры является вера в неизменность мира. Сакрализация «божественного» насилия осуществляется через утверждение в общественном сознании сакральных символов вечности: замена портретов политических лидеров на новых «вечно молодых», установление новых государственных праздников, начало монументального строительства как хозяйственных, так и культурных объектов. Также формой веры является вера в справедливый мир. Согласимся с Л. Гозманом и А. Эткинд, что образ спра-

ведливого мира неизбежно централизованный, он предполагает наличие высшей инстанции, осуществляющей справедливость независимо от личной воли и усилий конкретных лиц [6, с. 70]. Насилие, совершаемое этими инстанциями, происходит во имя справедливости, приобретает признаки сакральности, что сказывается отсутствием сочувствия к его жертвам. Вера в справедливый мир имеет тенденцию отождествляться с верой в доброго царя, то есть наделение лидеров чертами харизмы, замещение личной ответственности коллективной, выражающейся в заботе политического лидера о народе.

Утверждение в обществе «божественного» насилия происходит путем сакрализации насильственных действий. Как отмечал Р. Жирар, «человеческое насилие всегда изображается как внешнее по отношению к человеку, ибо оно и находит основу в священном и сливается с ним — с теми силами, которые действительно тяготеют над человеком извне: со смертью, болезнью, природными феноменами...» [7, с. 112]. Сакральность насилия, осуществляемого для утверждения новых правил, порядков и норм, в наибольшей степени проявляется в вере в чудесный мир. Эта вера через отрицание доминирования роли причинно-следственных связей в социальных процессах проявляется в восприятии вновь установленных норм как чуда, которое осуществляется на основе реализации социально-экономических проектов в сроки и / или в масштабах, которые кажутся невероятными. В этом случае насилие осуществляется как через принуждение, так и путем поддержки энтузиазма и инициативы. Но эти проекты не обязательно должны иметь обоснование экономической целесообразности, а выполнять функцию социального ритуала, как, например, строительство монументальных сооружений — Мавзолея в Москве или Дома Народа в Бухаресте (нынешнее название — Дворец Парламента).

Сакральное насилие противопоставляется обыденному. Как отмечает Дж. Агамбен, «сейчас мы можем наблюдать, как человеческая жизнь становится объектом беспрецедентного насилия, которое стало частью нашей повседневности, оставаясь при этом абсолютно профанным и тривиальным» [4, с. 148]. Впрочем, отметим, что обыденность насилия и смерти как феномен социального бытия прослеживается на протяжении всей истории человечества. Это выражалось в воспитании воинов, в принципах общежития с кочевниками, в высоком уровне смертности из-за болезней и т. д. Здесь скорее стоит акцентировать на том, что в современных социальных условиях жизни, когда указанные факторы устранены, все равно наблюдается высокий уровень смертности в связи с авариями, техногенными катастрофами, в результате совершения преступлений. Насилие и насильственная смерть остаются неотъемлемыми составляющими социальной жизни и воспринимаются людьми как обыденное явление. Сакрализация насилия отрицает как обычный характер его конкретных видов, так и определяет цель благородной, которая воспринимается безапелляционно, безусловно, ради высшего замысла.

Составляющей «божественного» насилия выступает магическое и ритуальное (или ритуально-символическое) мышление. Понятие «магическое

мышление» получило распространение в философской и психологической литературе в начале XX в. после выхода в свет труда Фрейда «Тотем и табу», в которой автор приходит к выводу, что принцип, царящий в магии, в технике анимистического образа мыслей, состоит во всемогуществе мыслей [12, с. 374]. Этот принцип основывается, он в этом согласен с Э. Тайлором, на основе «ошибочного принятия идеальной взаимосвязи вместо реальной» [12, с. 367]. То есть магическое мышление признает возможность словесным выражением мыслей или в форме ритуалов менять реальность.

До сих пор предпринимаются попытки определить и охарактеризовать основные черты магического мышления. Так, М. Хатсон определил следующие семь законов магического мышления: объекты несут эссенцию; символы имеют власть; действия должны иметь отдаленные последствия; ум не знает границ; душа живет над всем; мир живой; все происходит по ряду причин [3]. Магическое мышление делает акцент на нематериальной природе объяснения сущего, при этом оно направлено на волевой, силовой характер преобразования мира. Собственно, основное назначение магии дихотомично: во-первых, защитить от врагов и разного рода опасностей, а во-вторых, предоставить силы для осуществления насилия над этими врагами. То есть смело можно определить характерной чертой магического мышления безапелляционную и несомненную идентификацию «врага», что, в свою очередь, сакрализирует насилие в отношении него. Установление новых социальных норм и правил врагом идентифицирует лица и социальные группы и сообщества, требующих от общества рационального осмысления новоутвержденных норм. Как правило, им выступает интеллектуальная элита общества.

Т. Грютер предпринял попытку определить основные аспекты проявления магического мышления в мире. По его мнению, оно влияет на медицину и науку, усложняя их прогресс; на экономику, способствуя мошенникам в продаже неэффективных лекарств и «магических» объектов, создавая рынок эзотерической литературы; на религию, делая возможным ее существования вообще; на общество через узаконивание охоты на ведьм [2, с. 283]. Магическое мышление, по сути, выходит за пределы функционирования в религиозных институтах и пронизывает различные сферы социальной жизни. Хотя немецкий ученый акцентирует внимание прежде всего на деконструктивной роли этого типа мышления, мы считаем такую позицию необоснованной, поскольку она фактически провозглашает магическое мышление рудиментом социального организма. Логично возникает вопрос сохранения магического мышления в современном мире, прежде всего в информационном обществе и обществе знаний.

Анализируя роль магического мышления как составляющей «божественного» насилия в процессе социальных трансформаций, отметим, что оно актуализирует веру в возможность и результативность происходящих изменений. И. Латыпов выделяет в составе магического мышления веру во всеобщую обусловленность и взаимосвязь, веру в объективность собственного субъективного опыта и веру в способность мыслей непосредственно влиять

на внешний мир. На основе этого формулируется главная идея магического мышления: этот мир управляемый и предсказуемый, человек — его значимая часть, она способна управлять частью реальности через мысли и ритуалы, а в случае нехватки ресурсов может обращаться к тем, кто обладает большими силами [8, с. 100]. Таким образом происходит, с одной стороны, сакрализация власти, внедряющей новые нормы и правила, а с другой — сакрализация насилия как формы совместного действия лиц, интегрированных и практической деятельностью, так и духовной (продуцирования мыслей и идей, которые выражают поддержку указанных действий). Установка новых социальных норм и правил всегда встречает сопротивление определенных социальных групп и сообществ. Магическое мышление объясняет социальные происходящие изменения верой во всеобщую обусловленность и взаимосвязь. Если насилие маркируется в обществе как нежелательное, то «божественное» насилие реализуется через магическое мышление путем подбора правильной интерпретации его необходимости. В частности, происходит сакрализация жертв-субъектов насилия, их гибель объясняется, во-первых, действием закона высшего замысла, и, во-вторых, испытанием высших сил. Также проявлением магического мышления является вера в особую значимость символов и событий.

Утверждение «божественного» насилия сказывается появлением и включением в культуру определенных символов, проведением новых социальных ритуалов, которые в дальнейшем становятся составляющими и «рационального» насилия. Ритуал в социальном аспекте понимается как социально значимая форма поведения, постоянно воспроизводящаяся в обществе, образующая и поддерживающая его социальную структуру, то есть как поведение он отыгрывается, но всегда одинаково [14, с. 129]. Революции в Российской империи и общественные трансформации в ней в первой четверти XX в. обозначаются появлением новых символов, которые получают сакральное значение (государственные символы (герб, флаг, серп и молот, пятиконечная звезда), символы партии и общественных движений (пионерский галстук, Красная площадь)). Появляются новые ритуалы: парады на Красной площади, субботники, диспуты и т. д. В. Шинкаренко выделяет четыре группы основных элементарных социальных ритуалов: доверия и недоверия; агрессивности и равнодушия; власти и согласия (покорности) уважения и неуважения, которые являются наиболее важными для коммуникации и воспроизводства социальной структуры общества [15, с. 93]. Насилие проявляется во всех указанных ритуалах. Первоначально основной целью ритуала доверия является демонстрация невраждебного отношения к окружающим. Учитывая его продолжительность, можно отнести его действие к «рациональному» насилию. Совершение ритуала доверия предполагает сближение индивидов, которые принимают в нем участие на довольно опасное друг к другу расстояние, а потому на первый план их взаимоотношений выходит вера в его эффективность, сакрализация установленных взаимосвязей. В ритуале недоверия индивиды стремятся в форме косвенного насилия сохранить дистанцию между собой на безопасном уровне. Что касается ритуала агрессивности, то в отличие от самой агрессии в ее соци-

альном выражении как составляющей «мифического» насилия его цель выразить публично несогласие неучтения интересов того, кто его проводит. Возможные действия последних гиперболизируются и демонизируются. Ритуал равнодушия фактически является формой насилия в качестве побуждения объекта к действию, впрочем, он является эффективным при условии наличия черт харизмы у его исполнителей. Ритуал власти основывается на принуждении, который осуществляется не на основе рационально осмысленных компромиссов, а на основе до-верия, утверждается через подчинение. Ритуал согласия выражает нежелание индивидов сопротивляться власти, авторитету, то есть фиксирует их иррациональный переход к статусу объектов насилия. Ритуал уважения — это первичный акт сакрализации субъектов насилия, а неуважения — провокация их к действию.

Новые ритуалы, утверждающиеся в период социальных трансформаций, также направлены на сакрализацию власти, на неосмысленное восприятие утверждения им новых законов, правил, норм. Задача такого ритуала — осуществить коллективный акт непрямого насилия. С одной стороны, ритуал носит добровольный характер, а с другой — отказ лица от вступления в его проведение идентифицирует ее как противника норм и правил. Собственно в самом ритуале присутствует насилие, но оно по содержанию отличается от «мифического», которое доминировало на предыдущей стадии социальных трансформаций. Абсолютное большинство жертвенных ритуалов включают в себя определенные формы насилия, они усваивают соответствующие значения, прямо связанные скорее с самим жертвенным кризисом, чем с избавлением от него, поскольку ритуальное мышление стремится к повторению учредительного механизма [7, с. 153]. Проведение социально значимых ритуалов, которые закрепляются в культуре, происходит в момент, когда насилие проходит стадию пароксизма (усиления его действия в высшей степени, которое выражается в тотальном раздоре, нивелировании и разрушении) и утверждается в массовом сознании идея необходимости мира, порядка, мира. Ритуал актуализирует выражения единодушия в отходе от «мифического» насилия и переходе к «божественному», которое основывается на идее мира и порядка как высшего социального блага. Насилие в ритуале стремится восстановить самый полный мир, известный общине [7, с. 138]. Причем спецификой проведения социальных ритуалов является их масштабность, инициатива по их осуществлению переходит от власти к агентам «божественного» насилия, утверждается будничная ритуалистика. В то же время из-за последней сознание индивида узнает и подтверждает конституированную сакральным прецедентом упорядоченную картину мира, а постритуальные мотивы здесь служат своеобразными опорными точками, знаковыми верификациями непрерывности и воспроизводимости мирового порядка в том или ином его аспекте [10]. Ритуал утверждает новую сакрализованную картину мира, основанную на принципах мира, а насилие, применяемое в ритуале или провозглашаемое ним, интерпретируется как насилие ради социального мира.

Важную роль в осуществлении «божественного» насилия играет харизматичный лидер, подчинение которому основывается на вере в него, в его

способности и внутреннем призвании, а не на обычаях или установках. «Божественное» насилие реализуется на принципах вождизма, в котором лидер (вождь) выступает не столько как фюрер в его негативной коннотации, как тиран, сколько как проводник, лидер нации, выдающийся военачальник, наделенный сверхъестественными чертами, выражаемыми в качестве убежденности в этом в общественном сознании. Причем, как отмечает М. Вебер, «в двух важнейших в прошлом фигурах: с одной стороны, мага и пророка, с другой — избранного князя-военачальника, главаря банды, кондотьера — вождизм как явление встречается во все исторические эпохи и во всех регионах» [5, с. 647–648]. Реализация принципов вождизма заключается в конструировании определенного вымышленного мира, способного конкурировать с реальным, мира непротиворечивого вымысла [13, с. 171]. Именно разрыв масс с реальным миром вызывает актуализацию их склонности претендовать на божественную миссию искупления грехов и даже спасения человечества. При таких условиях провозглашенная вождем идея (например, идея возрождения величия нации или государства) становится инструментом сакрализации насилия, ведь оправдываются любые насильственные действия, применяемые против оппонентов ее реализации, которые признаются не просто врагами, а мистическими врагами, воплощением злых сил, сопротивляющихся всему обществу в его прогрессе.

Принципы установления «божественного» насилия имеют ряд общих черт с принципами организации деятельности религиозных культов. Основным принципом является интеграция против врага, то есть он реализуется путем создания и выработки образа общего врага — сатаны, правительства, «непросветленных», представителей других конфессий и т. д. Этот принцип имеет социальный характер и основывается на стремлении человека защитить собственное чувство самоидентичности, разделяя всех на союзников и врагов. В процессе интеграции у таких лиц формируется «эгоизм преследователя жертвы», что проявляется в отсутствии сострадания преследователя к своей жертве, даже если ее страдания намного превышают тот уровень страданий, которые испытывает сам преследователь или связанные с ним лица [9, с. 40]. Социокультурное жертвоприношение призвано преодолевать страхи, вызванные «мифическим» насилием, актуализируя веру как доминантный способ восприятия социальной реальности, присущего «божественному» насилию.

Одним из инструментов «божественного» насилия является установление нового отсчета исторического времени. Это осуществляется либо путем установления нового летоисчисления, либо определения «сакрального» события, а его дата становится условной точкой отсчета нового этапа развития общества. Новое летоисчисление знаменовало утверждение в обществе качественно иной религиозной морали: нулевой год для христиан, отсчетом которого служит дата рождения пророка Иисуса Христа, нулевой год для мусульман по хиджре — от переселения пророка Мухаммада в Ясриб (Медину). Также в истории были попытки установить новый календарь, отсчетом для которого служил приход к власти определенных политических сил: внедрение 5 октября 1793 г. Национальным конвентом Франции революци-

онного календаря знаменовало провозглашение республики, 1975 г. стал нулевым для Демократической Кампучии и знаменовал собой приход «красных кхмеров» ко власти, календарь чучхе в КНДР (используется с 1997 г.) за отсчет берет год рождения Ким Ир Сена, советский революционный календарь, предложенный в 1929 г., фиксировал новую систему организации труда (просуществовал 10 лет). Большинство календарей существует одновременно с григорианским и носит скорее сакральный, чем прагматичный характер, фиксируя «святость» нового этапа развития общества, подпитывая веру членов общества в истинность вновь установленных социальных норм и правил. Такую же функцию выполняют события, которые становятся знаковыми для исторической памяти общества. Как правило, это принятие декларации о независимости и суверенитете, принятие конституции, день гражданского примирения или день военной победы.

Итак, «божественное» насилие — это форма социального насилия, направленного на интеграцию общества на основе безапелляционного восприятия вновь установленных норм и правил, основанная на вере и осуществляемая путем сакрализации насильственных действий. Вера позволяет проектировать идеальное будущее для каждого индивида, создавая, с одной стороны, иллюзию простоты, а с другой — иллюзию всемогущества, что формирует в массовом сознании мысль, что любая проблема может быть решена в условиях издания «правильных» приказов. Основными видами веры как основы «божественного» насилия является вера в неизменность мира, вера в справедливый мир. Составляющие «божественного» насилия — магическое и ритуальное (или ритуально-символическое) мышление. Магическое мышление как составляющая «божественного» насилия в процессе социальных трансформаций актуализирует веру в возможность и результативность изменений. «Божественное» насилие реализуется через магическое мышление путем подбора убедительной интерпретации его необходимости, также через ритуальное — в исторический момент, когда насилие проходит стадию пароксизма, в результате чего утверждается в массовом сознании идея необходимости мира, порядка.

Литература

1. Benjamin W. Metaphysisch-geschichtsphilosophische Studien. Zur Kritik der Gewalt / Walter Benjamin // Benjamin W. Gesammelte Schriften. Frankfurt a. M.: Suhrkamp, 1972. Band. II. 1, 1991. S. 179–204.
2. Grüter T. Magisches Denken: Wie es entsteht und wie es uns beeinflusst / Thomas Grüter. Bern: Scherz Verlag, 2010. 320 S.
3. Hutson M. The 7 Laws of Magical Thinking: How Irrational Beliefs Keep Us Happy, Healthy, and Sane / Matthew Hutson. New York: Plume, 2012. 304 p.
4. Агамбен Дж. Номо sacer. Суверенная власть и голая жизнь. М.: Европа, 2011. 256 с.
5. Вебер М. Политика как призвание и профессия // Избранные произведения / пер. с нем., сост., общ. ред. и послесл. Ю. Н. Давыдова; предисл. П. П. Гайденко. М.: Прогресс, 1990. С. 644–706.
6. Гозман Л., Еткінд А. Культ влади // Часопис «І». 2005. № 37. С. 60–77.

7. Жирар Р. Насилие и священное / пер. с фр. Г. Дашевского. 2-е изд., испр. М.: Новое литературное обозрение, 2010. 448 с.
8. Латыпов И. Магическое мышление // Теория и практика психотерапии. 2015. № 4(8). С. 98–100.
9. Тероризм: психологічні і політичні аспекти / Р. Лукабо, Г. Едвард Фукуа, Джозеф П. Кенджемі, Казімір Ковальські // Часопис «І». 2002. № 25. С. 32–48.
10. Пелипенко А. А. Ритуальное мышление [Электронный ресурс]. URL: <http://apelipenko.ru/>
11. Слюсар В. М. Вальтер Беньямін про насилля як соціальний феномен // Актуальні проблеми філософії та соціології. 2015. № 3. С. 143–148.
12. Фрейд З. Тотем и табу (Некоторые соответствия в душевной жизни дикарей и невротиков) // Собрание сочинений: в 10 т. М.: Фирма СТД, 2003–2008. Т. 9. Вопросы общества. Происхождение религии. 2008. С. 287–444.
13. Хевеши М. А. Толпа, массы, политика: Историко-философский очерк. М.: ЦОП Института философии РАН, 2001. 223 с.
14. Шинкаренко В. Д. Смысловая структура социокультурного пространства (игра, ритуал и магия). М.: КомКнига, 2005. 232 с.
15. Шинкаренко В. Д. Элементарные социальные ритуалы // Грані. 2014. № 4. С. 91–97.

"DIVINE VIOLENCE" IN THE PROCESS OF SOCIAL TRANSFORMATION

Vagim N. Slyusar

Cand. Sci. (Philos.), A/Prof., Franko Zhytomyr State University
40 Berdichevskaya St., Zhytomyr 10008, Ukraine
E-mail: vadniksl@rambler.ru

The article deals with one of the forms of violence which dominates at a certain stage of social transformation — faith-based "divine" violence realized through the sacralization of violent actions. It is noted that "divine" violence is implemented through faith in the charismatic leader, belief in permanence of the world and its wonderful nature. Particular attention is paid to the components of "divine" violence: magical and ritual (or ritual-symbolic) thinking. The role of magical thinking in "divine" violence lies in choosing the correct interpretation of the necessity for its implementation, sacralization of victims of violence through the explanation of their deaths by sovereign plan and testing of higher forces. Establishment of "divine" violence causes the appearance and inclusion of certain symbols, new social rituals in culture, later they become the components of "rational" violence. The task of social ritual is to carry out a collective act of indirect violence. Social rituals as components of social transformations occur when violence passes the stage of paroxysm and the idea of necessity for peace and order confirms in collective consciousness. Establishment of a new historical countdown is an instrument of "divine" violence.

Keywords: violence, social violence, social transformations, magical thinking, ritual thinking.